

Глава 6

Проспав всю ночь с включенным ночником, Жуань Бэй убедился — утро наступило в полном спокойствии. Вчерашний призрак, преследовавший его всю дорогу, теперь казался лишь дурным сном или плодом разыгравшегося воображения.

Он всё еще не решался терять бдительность, однако яркий дневной свет заметно прибавлял храбрости.

Юноша быстро прибрался в спальне и, подойдя к выходу из квартиры Цинь Гу, на миг замер в нерешительности. Взглянуть в глазок он так и не отважился — Жуань Бэй рассудил, что увидеть там призрачный глаз куда страшнее, чем столкнуться с самим духом лицом к лицу. Поэтому он просто набрался смелости и распахнул дверь.

На лестничной клетке было пусто. Облегченно выдохнув, он спустился к себе и сел завтракать. Слушая привычную родительскую болтовню о домашних мелочах, он чувствовал, как по душе разливается умиротворение.

Отец Жуань держал небольшую закусочную. Основная торговля там шла в обед и ужин, но он уходил рано, чтобы подготовить всё необходимое, поэтому сразу после завтрака отправился на работу.

Мама Жуань из-за слабого здоровья постоянной работы не имела, но часто помогала в цветочном магазине жены второго дяди — обрезала стебли, составляла букеты и присматривала за прилавком. Труд был непыльным, а при необходимости всегда можно было легко отпроситься.

В семье Жуань не водилось склочных родственников. Трое братьев жили душа в душу, мать семейства прекрасно ладилась с женами братьев мужа, а младшее поколение росло в тесной дружбе, словно родные братья и сестры. Когда Жуань Бэй заболел, оба дяди навещали его, а супруга старшего из них несколько дней подряд присылала племяннику домашние целебные бульоны.

— Погода сегодня чудесная, — сказала Мама Жуань, убирая со стола посуду. — Поможешь мне подняться наверх и прибраться в квартире Цинь Гу?

Жуань Бэй всё еще помнил о вчерашнем призраке, и в глубине души его грыз страх. Когда он бежал домой, то не смел оглянуться и не знал, вошел ли тот за ним в жилой комплекс. Он отчаянно надеялся, что незваный гость исчез, но уверенности не было. Не видя опасности, он не мог успокоиться, но стоило бы ему увидеть его снова — и душа бы точно ушла в пятки.

«Впрочем, сейчас разгар дня, солнце светит... — он пытался успокоить себя. — Вряд ли что-то случится»

С замиранием сердца юноша последовал за матерью на четвертый этаж. Всё утро они провели в хлопотах: вытирали пыль, загружали в машинку постельное белье. Время пролетело незаметно, и, к его облегчению, ничего странного не произошло.

В полдень, по просьбе матери, Жуань Бэй ходил в магазин за уксусом. Весь путь он внимательно озирался по сторонам, но вчерашнего мужчину так и не встретил. Тревога окончательно отступила.

Вечером, когда отец вернулся домой, семья на совете решила: раз здоровье сына пришло в нормальное состояние, пора возвращаться к учебе.

После окончания университета в прошлой жизни прошло уже два года. Жуань Бэй учился на гуманитарном факультете и с тех пор почти не притрагивался к точным наукам. Вернувшись во времена старшей школы, он сначала пребывал в смятении и не успел толком подумать о занятиях, ограничившись лишь наметками планов.

Стоило родителям завести этот разговор, как он бросился в комнату перелистывать учебники. Результат оказался плачевным: многие темы казались смутно знакомыми, но как применять формулы на практике — юноша напрочь забыл. Если бы завтра ему пришлось сдавать экзамен, он бы не набрал и половины баллов, которые имел в это же время в своей первой жизни.

Учиться придется всерьез, и, судя по всему, без репетиторов не обойтись.

Несмотря на горы непонятных пособий, Жуань Бэй сохранял спокойствие. Он не боялся трудностей и не страшился кропотливой работы — сама возможность прожить жизнь заново была величайшим даром небес. До выпускных тестов оставалось больше года: этого времени вполне достаточно, чтобы восстановить знания, исправить ошибки прошлого и показать достойный результат.

Уверившись, что вчерашние неприятности остались позади, юноша не стал настаивать на ночевке в квартире Цинь Гу. После ужина он засел за книги, чтобы оценить масштаб катастрофы.

В школе он выбрал естественнонаучный профиль. В прошлой жизни после перевода в другое заведение его успеваемость упала, и Лу Минхай настоял на переходе на гуманитарное направление, посчитав его более простым.

На самом деле Жуань Бэй всегда хорошо справлялся с литературой, а биология и химия были на высоте — по последней он стабильно входил в тройку лучших, частенько занимая первое место. С математикой и физикой дела обстояли посредственно, а иностранный язык и вовсе тянул все показатели на дно.

Юноша не жаловался на память: классические стихи и прозу он запоминал с третьего прочтения. Но с английским случалась беда — слова вылетали из головы быстрее, чем он

успевал их зазубрить. Ежедневно львиная доля времени уходила на повторение уже выученного. Он перепробовал все методики, советовавшие учителями и друзьями, но эффект был нулевой.

Слова не запоминались, аудирование превращалось в гадание на кофейной гуще, произношение было ужасным, и лишь в грамматике удавалось наскрести хоть какие-то баллы. Он помнил, что в этой школе уроки этого языка были его личным адом.

В одиннадцатом классе, сразу после распределения, на первом же ежемесячном экзамене он занял пятнадцатое место в классе, едва удержавшись в первой сотне общего рейтинга школы. И во всей первой двадцатке отличников он был единственным, кто провалил этот предмет.

Ему было невыносимо горько. В учебе, если ты не чувствуешь успеха, очень трудно сохранять мотивацию. Он тратил на подготовку прорву времени, получал крохи результата, и со временем в его сознании укоренилась установка: «Я неспособен», «Это слишком сложно». Он начал подсознательно избегать уроков, что только ухудшало ситуацию.

Преподавательница после распределения попала суровая. В день объявления результатов Жуань Бэй весь урок провел на ногах. Стоило ей войти в класс, как она вызвала его по имени и ледяным тоном осведомилась, почему только по её дисциплине у него «неуд» — неужто он имеет что-то лично против неё? Она заявила, что такое поведение — это безответственность перед самим собой, перед школой и родителями, и заставила его стоять до конца занятия, «занимаясь саморефлексией».

Жуань Бэй до сих пор помнил тот жгучий стыд. Взгляды одноклассников заставляли его лицо пылать огнем, он не мог сосредоточиться ни на одном её слове. Учительница разбирала ошибки в тестах и постоянно вызвала его отвечать. Из-за волнения он запинался даже на простых вопросах, а те, что не знал, превращали его жизнь в пытку.

Тогда он был всего лишь ранимым подростком, дорожил репутацией и очень долго не мог прийти в себя после того унижения. Он не решился рассказать об этом дома и уж тем более — своей старшей сестре, ведь именно она пыталась подтягивать его. Ему было стыдно, что он так её подвел.

Только Цинь Гу утешал его, хотя сам Кунь-кунь в иностранном разбирался еще меньше. Уникальность его названного брата заключалась в том, что он почти не корпел над учебниками, но всегда оставался в лидерах: он мог написать школьное сочинение на вэньяне, щелкал задачи по физике и химии как орешки, хоть и терял баллы за то, что ленился расписывать ход решения. Но иностранный язык для него был безнадежным делом.

К счастью, Цинь Гу не пришлось столкнуться с той учительницей. Он был на год старше и учился классом выше — ему уже предстояло сдавать выпускные экзамены. В последнем семестре перед выпуском он умудрился взять два месяца отпуска ради занятий боевыми искусствами; удивительно, как школа вообще на это пошла. Впрочем, Кунь-кунь ежегодно оформлял больничные, и учителя, опасаясь, что он грохнет в обморок прямо на экзамене,

предпочитали не спорить.

Как бы то ни было, после того злополучного теста оценки Жуань Бэя покатались по наклонной. Учеба не шла, раздражение росло, а время, отнятое напрасной зубрежкой, начало сказываться на других дисциплинах. Общая успеваемость поползла вниз. Педагоги вызывали его на беседы, а учительница английского смотрела на него взглядом, в котором читалось: «Ты опустил на дно намеренно».

Давление росло, и юноша наверняка бы сломался, если бы не Цинь Гу. Юноша ничего не скрывал от друга, и тот, выслушав его, посоветовал:

— Если совсем неможешь — отложи этот предмет. Сосредоточься на том, что получается.

Он приводил в пример самого себя:

— Я в хвосте по нему, но мой общий балл всё равно выше, чем у большинства. Сначала стабилизируй остальные оценки, а потом уже подумаешь о репетиторах.

Жуань Бэй последовал его совету. После мучительного иностранного заниматься другими науками было одно удовольствие. База у него была крепкая, пробелов — немного, и он быстро восстановил позиции. Успеваемость по остальным предметам даже выросла. Его оценки по языку тоже немного подтянулись, но всё равно оставались «хромыми»: тройка была пределом. Преподавательница с тех пор окончательно возненавидела его: мол, раз другие показатели смог поднять, значит, и мой мог бы, если бы не упрямство.

Но тогда у него была поддержка друга. После каждой порции критики он шел жаловаться Цинь Гу, а тот переводил всё в шутку или угощал его чем-нибудь вкусным, и жизнь снова казалась прекрасной.

Десятиклассник Жуань Бэй был профаном в английском, но возродившийся Жуань Бэй — вовсе нет!

Если в его прошлой жизни и было что-то полезное, так это знания. В частной школе, куда его перевели, было много международных классов и иностранных учеников. Занятия вели носители. Там ему встретилась замечательная учительница — красавица с легким характером. Заметив, что он не выносит зубрежку, она начала советовать ему интересные фильмы и простые романы. Она не заставляла его прорешивать горы тестов, а просто болтала с ним на разные темы, вплетая в разговор иностранные фразы. Так, постепенно, в нем проснулся интерес.

Позже, на экзаменах, он потерпел неудачу по другим фронтам, но этот предмет сдал на высокий балл, навсегда избавившись от старых страхов. Язык — такая вещь: войти в него трудно, но как только заложишь фундамент, остальное прилагается само собой. В университете он даже изучал курс профессионального английского и относился к нему со всей

серьезностью.

Более того, когда он подрабатывал репетитором, родители учеников, узнав, что он гуманитарий, наотрез отказывались доверять ему математику даже для начальных классов — всем подавай выпускников физмата. Зато рынок услуг по английскому был огромен, а оплата — выше. Благодаря своему произношению, отточенному в беседах с иностранными учителями, Жуань Бэй долгое время успешно преподавал его детям.

Собственный опыт помог ему найти подход к ученикам, а его мягкий характер и терпение создали ему отличную репутацию. Благодаря этой практике он теперь владел предметом в совершенстве. Глядя в свои старые школьные учебники, он понимал: то, что когда-то казалось ему пыткой, на самом деле было довольно простым материалом.

Теперь этот язык, как и в прошлой жизни, не требовал от него много времени. С литературой — та же история: знание родного наречия у него было на высоте, и школьная программа не представляла труда. Только математику и естественные науки, которые он забросил на годы, нужно было поднимать с нуля.

Жуань Бэй набросал примерный план занятий, решив скорректировать его после возвращения в школу. Он собрал сумку и пошел в душ — завтра предстоял первый учебный день.

Насладившись горячей водой, юноша, на ходу вытирая волосы полотенцем, толкнул дверь в свою комнату.

В тот же миг он поднял глаза и увидел у письменного стола, за которым только что сидел, чью-то фигуру. Крик ужаса непроизвольно вырвался из его груди.

<http://bllate.org/book/15323/1360374>